

нападения, старик неизменно отвечал, что во всем мире нет и не может быть у него врагов, кроме жены. Это звучало зловеще, и многие друзья советовали даме бежать, пока не поздно, но та была слишком уверена в том, что свидетелей нападения не было, а кроме того, будучи по характеру человеком легковверным, она побывала у хироманта или еще у какого-то чернокнижника, который нагадал ей, что совсем скоро она достигнет такого положения, когда ни один враг не сможет причинить ей вреда. В общем-то, конечно, так оно и вышло, но совсем не таким образом, каким она ожидала.

Нападение на месье Тике в сочетании с его обвинениями закономерно привело к расследованию, мадам Тике была арестована и заключена в тюрьму Гран-Шателе. Начался суд, но никаких улик против нее не было, пока не появился один не в меру услужливый тип из числа нанятых для первого — отмененного, как мы помним, — покушения, который встал и добровольно заявил о том, что через привратника получал от этой дамы деньги как аванс за убийство ее мужа. Оба — и доносчик, и привратник — тут же были арестованы, последовало несколько очных ставок с дамой, но, хотя в процессе и всплыло с дюжину имен участников первого заговора, ни одного из убийц, действовавших во второй раз, выявить не удалось. Что ж, бедную женщину осудили за первое, несостоявшееся покушение и приговорили к обезглавливанию на Гревской площади, привратника — к повешению, а доносчика — к пожизненному заключению.

В те времена принято было в промежутке между вынесением приговора и приведением его в исполнение предать приговоренного пыткам, чтобы он выдал имена сообщников, буде таковые имелись. Так и мадам Тике привели в пыточную, где потребовали от нее признаться в преступлении и назвать имена других участников заговора. После того как она отказалась это сделать, ее подвергли пытке водой. Пытка эта проводилась так: преступника клали на спину и пристегивали к деревянной кровати, около которой стояли восемь горшков с водой по пинте каждый. Затем в рот несчастного вставляли коровий рог, через который воду вливали ему в глотку. «Обыкновенный допрос» подразумевал использование четырех горшков, «чрезвычайный» — восьми, и порой допрашиваемый отходил в мир иной еще до конца допроса. Именно этой процедуре мадам Тике и подвергли, но не успела она проглотить и первый горшок, как готова была уже сознаться во всем. Когда ее спросили, знал ли о заговоре Монжорж, она воскликнула:

— Нет, конечно! Если бы я только заикнулась об этом, я бы навсегда потеряла его любовь, а это для меня хуже смерти!

После допроса ее препроводили, как принято, в телеге на место казни, где поджидал Сансон с помощниками. Шарль Сансон никогда не любил свое ремесло, а в данном случае он был особенно озабочен, и, когда на эшафоте появилась приговоренная, его охватило странное чувство. Ему показалось, что перед ним — его утерянная Маргарита, что полностью лишило его мужества. Заставив преступницу принять положение, необходимое для осуществления казни, он поднял свой могучий меч, тот со свистом рассек воздух и опустился на шею жертвы. Но голова не упала, на шее лишь зияла огромная рана, из которой вытекала кровь. Палач ударил еще раз — и снова с тем же успехом, кровь из множества перерубленных артерий хлестала во все стороны, а толпа принялась свистеть и улюлюкать. Сам не свой от криков и собственной беспомощности, Сансон изо всех сил рубанул в третий раз, и теперь голова несостоявшейся убийцы скатилась к его ногам.

Мастерский удар палача

Месье Дюваль де Суакур был помощником полицмейстера города Аббевиль. Внешний облик этого господина был необычен — очень высокий, худощавый и угловатый, с длинным, острым, неправильной формы носом, тонкими поджатыми губами, на которых улыбка появлялась только как показатель злорадства, и хмурыми зеленоватыми глазками, проглядывавшими из-под густых бровей. Внутренний облик этого человека полностью соответствовал внешнему. Можете представить себе этого злого духа истории, которую мы